

В судебной практике Российской Федерации по уголовным делам последнее время наблюдается увеличение количества дел о преступлениях экстремистской направленности. Полагаем, что частично это обусловлено тем, что Россия многонациональное и многоконфессиональное государство в отличие от Франции. Не только гражданская война, но раскол территории по этим признакам – прямая угроза государственному и общественному порядку, системе власти и безопасности. И правовое регулирование проявлений экстремизма требует усилий российских цивилистов.

Очевидно, что законодательство Российской Федерации в части регулирования категории государственных преступлений отличается от французского, поскольку имеются различия восходящие к глубинным национальным правовым традициям, к особенностям исторического пути государственности. Такие различия вряд ли искоренимы. Современное уголовное право трансформируется во всем мире в контексте приоритета концепций прав человека и правового государства. Также и уголовно-правовая реформа в России нацелена на совершенствование национального законодательства. И в этой связи мы полагаем, что необходима широкая дискуссия о специфике правового регулирования государственных преступлений в российском законодательстве. Опыт Франции, по нашему мнению, можно использовать в части акцентирования подхода к государственному преступлению как преступному деянию по строго политическим мотивам, представляющему особую опасность для общества и государства, и далее обоснования дифференциации других видов посягательств, частично или опосредованно связанных с политическими мотивами. И, естественно, потребуется совершенствовать шкалу наказаний.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. № 25 от 17 июня 1996 года. Ст. 2954.
2. Уголовный кодекс Франции // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/> (дата обращения 11.11.2019).

УДК 343.61

Журтов Астемир Билялович,

преподаватель,

Северо-Кавказский институт повышения квалификации

(филиал) Краснодарского университета МВД России,

г. Нальчик, Российская Федерация

astemir535/mai@mail.ru

Субъективные признаки пытки: проблемы квалификации

Статья посвящена анализу субъективных признаков такого преступления как пытка, в ходе которого раскрываются такие признаки как вина, мотив, цель. Особое внимание в статье уделено квалификации пытки по таким признакам как осознание общественной опасности и предвидение общественно опасных последствий, цели и пр. Автор приходит к выводу, что при квалификации пытки должны обязательно устанавливаться не только вина, но и специальная цель.

Ключевые слова: пытка, квалификация, субъективные признаки, умышленная форма вины, мотив, цель, прямой умысел.

Zhurtov Astemir Bilalovic,

lecturer, North Caucasus Institute of advanced training (branch)
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Nalchik, Russian Federation

Subjective signs of torture: problems of qualification

The article is devoted to the analysis of subjective signs of such crime as torture, during which such signs as guilt, motive, purpose are revealed. Particular attention is paid to the qualification of torture on such grounds as awareness of public danger and anticipation of socially dangerous consequences, goals, etc. the Author concludes that the qualification of torture must necessarily be established not only guilt, but also a special purpose.

Keywords: torture, qualification, subjective signs, intentional form of guilt, motive, purpose, direct intent.

Существенное значение при квалификации пытки имеет субъективное отношение лица к совершённому им деянию в виде пытки и его последствиям, а также цели и мотивы таких действий.

В теории уголовного права вина, как обязательный признак субъективной стороны преступления, рассматривается как психическое отношение лица к совершённому деянию и его последствиям. По мнению некоторых авторов, «она служит составной частью объективной истины, требующей установления и доказывания по каждому конкретному уголовному делу» [7, с. 230]. При этом, как свидетельствуют результаты исследования судебно-следственной практики, при квалификации преступлений, зачастую, возникают проблемы ее установления в конкретных деяниях.

В соответствии со ст. 5 УК РФ, в российском уголовном праве действует принцип субъективного вменения: лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 24 УК РФ, все преступления в теории уголовного права подразделяются в зависимости от формы на умышленные и неосторожные.

Не вызывает сомнений тот факт, что пытка может быть совершена только умышленно, причем только с прямым умыслом, поскольку предложенное нами определение пытки, как и определение, содержащееся в примечании к ст. 117 УК РФ, указывает на обязательный признак пытки – цель.

В ч. 2 ст. 25 УК РФ закреплено положение, согласно которого деяние считается совершённым с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Субъект, применяющий пытку, осознает общественную опасность своих действий – особо жестокого физического или психического насилия, предвидит неизбежность или реальную возможность причинения потерпевшему особых физических или психических страданий и желает их причинения.

Вместе с тем результаты проведенных ранее исследований свидетельствуют о том, что «более половины респондентов из числа лиц, совершивших преступления, не осознавали в момент совершения деяния его общественной опасности» [1, с. 100–101]. Но возникает вопрос, насколько факт осознания общественной опасности в момент совершения пытки, исследуется правоприменителем. Ведь порой, этот вопрос, в ходе следствия, исследуется поверхностно.

Под предвидением общественно опасных последствий следует рассматривать «отражение в сознании тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем» [5, с. 29]. Применяя пытку, виновный сознательно совершает эти действия и представляет тот результат, который может наступить от его действий, а именно физические или психические страдания, которые, по представлению виновного, возможно или неизбежно будут им причинены. Желание наступления общественно опасных последствий охватывается его предвидением [7, с. 234] в виде физических или психических страданий.

Желаемый результат действий традиционно понимается как цель преступления. Однако в данном аспекте речь ведется о цели промежуточной [4, с. 22], о конечной цели пытки речь пойдет далее.

Таким образом, пытка может быть применена только с прямым умыслом. Данное утверждение в равной степени распространяется на пытку, выступающую квалифицирующим признаком истязания, принуждения к даче показаний, так и на пытку, квалифицируемую как превышение должностных полномочий, совершённое с применением насилия.

Российское уголовное законодательство дает определение только двум видам умысла – прямому и косвенному. В доктрине отечественного уголовного права выделяются еще и такие виды умысла, как аффектиро-

ванный, неопределенный, заранее обдуманый, внезапно возникший и др. Однако в контексте изучения субъективных признаков пытки вряд ли перечисленные виды умысла будут иметь существенное значение. Например, сложно представить, чтобы виновный применял пытку с аффектированным умыслом, поскольку возникнуть он может только как результат тяжкого оскорбления, насилия, иных противоправных или аморальных действий со стороны потерпевшего. То же самое касается и других выделяемых в теории видов умысла.

Такие субъективные признаки как мотив и цель выступают, по нашему мнению, неотъемлемыми уголовно-правовыми характеристиками пытки. Под мотивом в теории уголовного права понимается «внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить определенное действие и руководят им при его осуществлении» [3, с. 15]. В свою очередь, «цель преступления – это представление о желаемом результате, к достижению которого стремится виновный, совершая общественно опасное деяние» [7, с. 246].

Мотив пытки законодателем не указывается ни в одной из уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за применение пытки. В этой связи мотив может быть различным: личная неприязнь, ненависть, зависть, корысть, ложно понятые интересы службы, стремление скрыть собственную некомпетентность и т. п.

Целями пытки, исходя из текста примечания к ст. 117 УК РФ, выступают «понуждения к даче показаний или к иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях» [8].

Под целью понуждения к даче показаний или к иным действиям, противоречащим воле человека, следует понимать стремление виновного добиться от потерпевшего или третьих лиц совершения действий (бездействия) или отказа от их совершения вопреки воле указанных лиц. Такими действиями (бездействием) могут быть дача показаний, объяснений, отказ от дачи показаний, передача каких-либо сведений (например, государственной, коммерческой, банковской тайны), передача авторского или смежного права, осуществление каких-либо работ и т. п.

Цель наказания состоит в желании виновного лишить или ограничить потерпевшего в его правах и свободах за совершение последним каких-либо конкретных действий, отомстить ему, покарать потерпевшего. «Иные цели» – это понятие оценочное, которое, следуя буквальному толкованию закона, может включать в себя неограниченный круг целей. Как представляется, к иным целям в данном случае можно отнести, например, стремление виновного соблюсти какие-либо религиозные обряды (жертвоприношение) и т. п.

Следует отметить, что специальные цели с успехом «вписываются» в истязания, совершённые с применением пытки, (п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ), принуждения к даче показаний, соединенные с применением пытки,

(ч. 2 ст. 302 УК РФ). При этом специальная цель в преступлении, предусмотренном п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ, служит одним из обязательных признаков квалифицированного состава преступления, так как в диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ указание на цель отсутствует. Что же касается принуждения к даче показаний, соединенного с применением пытки, (ч. 2 ст. 302 УК РФ) цель пытки ограничивается, как это определено законом (ч. 1 ст. 302 УК РФ), только стремлением виновного добиться от потерпевшего определенных показаний или заключения [6, с. 43; 2, с. 109].

Таким образом, при квалификации преступления должны обязательно устанавливаться не только вина, но и мотив и цель пытки. Целью в данном случае является стремление виновного добиться от потерпевшего или третьих лиц совершения действий (бездействия) или отказа от их совершения вопреки воли указанных лиц. Мотивы пытки могут быть различными и конститутивными признаками они не являются.

Библиографический список

1. Векленко С. В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве : монография / под ред. А. И. Марцева. Омск, 2002. С. 100–101.
2. Гладких Г. Ю. Уголовная ответственность за пытки в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 109.
3. Петелин Б. Я. Установление мотива и цели преступления. М., ВНИИ МВД СССР, 1978. С. 12.
4. Пинкевич Т. В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью : монография. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 22.
5. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 29.
6. Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия : учеб. пособие / отв. ред. Б. В. Здравомыслов, ред. В. И. Лебедева. М., 1978. С. 43.
7. Уголовное право России. Общая часть. Курс лекций / под ред. докт. юрид. наук, профессора А. П. Кузнецова, канд. юрид. наук Е. Е. Черных. М., 2018. С. 234.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019) //СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.04.2019).